

DOI: 10.31425/0042-8795-2023-5-

ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЕ РУКИ

Поэма И. Лиснянской «Круг»
как вариант автофикшна

Галина Евгеньевна Калинкина

литературный критик, независимый исследователь

(125009, Российская Федерация, г. Москва,

Б. Гнездииковский пер., д. 10;

email: g.constant13@gmail.com)

Аннотация. В статье идет речь об автобиографической поэме И. Лиснянской «Круг», которую критики признают вершинным произведением автора. Восстанавливая сюжет поэмы и прослеживая его элементы в интервью и воспоминаниях Лиснянской, критик и эссеист Г. Калинкина рассматривает «Круг» как автофикшн, воссоздающий достоверный образ и самого автора, и «обесчещенного времени», истории, частью которой является и героиня поэмы.

Ключевые слова: И. Лиснянская, автобиография, автофикшн, поэма, аллюзивный ряд, образ времени.

Статья поступила 12.02.2023.

© 2023, Г. Е. Калинкина

Своей эпохи нельзя избежать.

Соломон Волков

Я, зараженная совестью...

Инна Лиснянская

Поэму «Круг» признают вершинным произведением Инны Лиснянской.

К примеру, Д. Полищук писал:

И это не говоря уже о таких вершинных и, разумеется, на тот момент непечатных произведениях Лиснянской, как поэмы в сонетах «Круг» (1974), где в рассказе о пребывании в психушке этот такой естественный и непринужденный голос рассказчицы-«собеседницы» достигает трагического напряжения [Полищук 2002: 149].

Саму Лиснянскую литкритики нарекли неоакмеисткой-«шестидесятницей».

Но до этого наречения много чего происходило. Приглядимся. С малолетства Инна — левша.

Крестили ее бабушка и няня втайне от родителей.

Молилась стихами, а рифмовать начала в двенадцать лет.

В комсомол вписали ее и выписали автоматически.

Библию в руки взяла одновременно с томиком Есенина.

В Литинститут прошла конкурс, но не пошла учиться.

На практику в машиностроительном техникуме ее отказались взять... из-за рук: «...Эту я не возьму. У нее руки интеллигентные. Посмотрите, ее убьет этот станок или резец» [Амелин, Лиснянская 2008]. И репутация Лиснянской к семнадцати годам была такова, что окружающие вполне могли поверить, будто молодая поэтесса способна устроить заплыв в декабре в ледяном море, провалиться трое суток в винограднике, поранить лицо о лозу.

Такую легенду разработали и внушали сотрудники НКВД, трое суток допрашивавшие Инну в 1945-м.

Иногда о себе слышу ли, читаю, что Лиснянская, дескать, пишет все как есть о себе, что мою жизнь можно вычитать из стихов. Но это не верно! В стихах довольно много вымысла, судеб, взятых в себя... [Амелин, Лиснянская 2008]

Так говорит сама Лиснянская в интервью.

Но, вероятно, именно поэма «Круг» является наиболее автобиографичным произведением в жанре автофикшн с мучительным объективированием себя в стремнине большой эпохи. Поэма из пятнадцати частей — классический веночек сонетов, отвечающий традиционным канонам английского типа, с катарсисом в магистрале — конечной строфе. В свою очередь, каждая строфа состоит из четырнадцати строк с перекрестной и парной рифмовкой внутри. Само название «Круг» при наличии кольцевой цикличности, безусловно, говорит о структуре текста, но не только. Вряд ли идея названия заключена в одном лишь строении. Иные причины *кругу* быть *кругом* попытаемся разгадать через механизм авторской поэтики, попробуем высветлить, подсветить текст:

Над городом стеклянные туманы.
 Окраина, застройка пустыря.
 Пейзаж мне сон напоминает рваный —
 Кусок пруда, осколок фонаря,
 Отчетливее — башенные краны.
 Здесь окна в сетках, видимо, не зря.
 А в процедурной дух стоит дурманной,
 Смесь валерьяны и нашатыря...

Первые пять строк первой главки, казалось бы, рисуют привычный урбанистический пейзаж: пруд, застройка, фонарь, башенный кран уже настораживают пытливого читателя. Поскольку наверняка автором не бесцельно даны под особым, как бы «срезанным» углом зрения — кусок, осколок, туман стеклянный, а сон рваный. Но, на самом деле, рваным кажется сам пейзаж пустыря, которым поэт вводит читателя в историю поэмы. Расстановка слов «стекло» и «осколок» неминуемо вызывает следующий ассоциативный ряд: звон битого стекла, порез, боль, кровь, рана, рваный.

Мы считываем авторское предупреждение, но еще не напуганы, еще не боимся.

А вот шестая строка той же, первой, главки в полной мере оправдывает плохие ожидания от пяти предыдущих: «Здесь окна в сетках, видимо, не зря». Впрочем, у Лиснянской ничто ни зря. Окна в сетках (окно в клетку — устойчивое выражение, как идиома с местным колоритом) немедленно ориентируют читателя и вводят в мизансцену. После этой строки весь рисунок поэмы для читающего видится через сетчатый металлический узор. Тень рабицы упала на сетчатку.

Запах следующих строк — «смесь валерьяны и нашатыря» — отнюдь не умиротворяет. Обоняние инспирирует тревожную ситуацию, когда требуется одна из этих жидкостей. А их сочетание лишь сгущает догадку и усугубляет ассоциацию: беда, кризис. Но автор намеренно до поры занижает накал, эмоционально не форсирует и, щадя читательские чувства, производит отвлекающий маневр: вот уже звучит мотив дачи (а стало быть, лета; лето — это благодать) и призыв на сцену вполне мирного персонажа — крестной. Образ крестной есть образ волшебницы из сказок Шарля Перро и братьев Гримм. А волшебница ведь может проникать в застенок, раздвигать стены, может протянуть руку. Пусть даже не руку помощи. А хотя бы подать знак, ожидаемый жест разрушения одиночества. Героиня ищет допинг ласки. Его не даст ни врач, ни санитарка, ни соседка по палате.

В отсутствие феи-крестной героиню голубит солнечный луч: «По лбу погладил, как сестру родную». А ей уже и от равнодушной улыбки доктора *полегчало*. Слабо представимо это «жизнеутверждающее» полегчало при принудительном врачебном осмотре. Да и луч в поэме не золотой, как принято. Луч тут опасливый, настороженный, проникший несанкционированно, потому бредет квадратиком (терцией, фалангой, каре) в подкроватную темень. Луч тут на стены ложится разбитым на соты (снова вспомним непреклонное сопротивление металла в оконной сетке). Луч тут не светит, а «пятнистым зайчиком» влезает на табурет. Снова рваность, разомкнутость мощи и длины солнечного света на малость и фрагментарность. Но здесь, в шестой строфе заключен очень важный «солнечный» вывод, обратимся к нему позднее, а пока снова вернемся ко второй:

Как битое стекло, мерцает лед,
И жаль душе не то, что я отрину,
А то, чего душа не обретет.
Себе я перегрызла пуповину
Молочную десной, — ничтожный плод
Студентки, слепо верящей в доктрину,
Внушаемую нам. Но кто-то в спину
Меня толкает, на меня орет
За книжку записную санитарка.
Ее глаза как два свечных огарка.
Лет через семь, как кончилась война,
Лечили здесь ее от алкоголя,

И не ушла на волю — что ей воля?!
Там ей велят, а здесь велит она!

Можно предположить, что вторая строфа задает нам время поэмы: от дачного летнего мы переходим к скучному зимнему, где «как битое стекло, мерцает лед». И снова битое стекло. Колко. Неуютно. Собственно, уюта-то нам автор и не обещал. А разбег от одного времени года до другого, не последующего, указывает на тот факт, что нахождение героини в закрытом лечебном учреждении продолжалось, возможно, не менее шести месяцев.

Построчное следование и такое, казалось бы, легкое раскрытие смыслов обманчиво, поскольку без авторских пояснений дешифровке поэма поддается туго. Ведь Лиснянская — прилежная ученица опосредованно преподававших ей уроки шифрования Ахматовой, Цветаевой, Петровых и непосредственно — Липкина. Уроков, которые точно определил Окуджава как «искусство кройки и житья». Лиснянской и самой доводилось вскрывать «потайные сундучки» — вспомним хотя бы ее работу «Шкатулка с тройным дном» о творчестве Ахматовой, Цветаевой, Мандельштама...

Взяли разбег дешифровки, но обманчивое построчное следование сбивается, и вот мы уже сталкиваемся с неясностями, но не станем гадать, опускаться до досужих вымыслов, лишь посетуем на незнание, например, о ком идет речь в строке: «плод той студентки, верившей в доктрину». Далее рисуется зловещая картина с тычками в спину и ором санитарки лечебного заведения, которая здесь же лечилась от алкоголизма и не вышла на волю из добровольной тюрьмы (а мы помним металлический узор на окнах больнички); на воле «вылеченная» — никто, в этих стенах-застенках она вертухай-командир: «Там ей велят, а здесь велит она».

Но отчего-то страшнее строк о запойной санитарке звучит строка «себе я перегрызла пуповину»: и буквальностью, и переносным смыслом. После такого самоговора, звучащего как отречение от рода, семьи, дома, прежней жизни, тычки санитарки не кажутся уже губительно непоправимыми. Автор, говорящий от лица героини, как бы показывает некоторое безразличие к тычкам, дает прием оцепенелой спины, с психологической ригидностью сносящей происходящее (считывается — за той «стылой» спиной есть что-то пострашнее грубых пиханий). Тут, представляется, уместным будет привести

мыслеформу Домбровского — «великая сила освобождающего презрения».

Несмотря на нашатырь, решетки, конвоиров, героиня не теряет самообладания, будто прежде сносившая и что-то потяжелее принудительного лечения. Для нее «больница — любопытный дом», хотя дни там «одеты задом наперед» (моментально проявляется образ смирительной рубашки, которую надевают на подопечного именно задом наперед для сковывания движений, для сдерживания личной свободы — один из методов искоренения инакомыслия). А над доктором героиня даже подтрунивает, иронизирует: «Предвидел ли, участь психиатрии, / что предстоят ему дела такие?»

В восьмой строфе у читателя возникают аллюзии к ахматовским поэмам и тогдашнему бытованию поэтессы. Мостик возводит не цитатный диалог, не размер строки и краткость изложения, а упоминание балагана, хоровода и бубна, упоминание сестринства (муза-сестра / сестра лучу), а также схожие страхи и фобии: «Сейчас за столб фонарный ухвачусь — / я площади переходить боюсь.» И вот уже находится подтверждение упомянутых аллюзий:

Наверное, Петровых и мои вирши сверх меры расхваливала не одной мне, но и Липкину, и многим потому, что я не умею пользоваться общественным транспортом и по улицам пешком передвигаться и потому, что я ей сказала, что прошла сумасшедший дом. О диагнозе же и подробностях функциональной неврологии я поначалу не распространялась, не хотела грузить своими ужасами тоненькую до воздушной хрупкости Петровых, но сам факт моего там единичного пребывания будоражил ее, — что во мне такого ненормального? То, что я передвигаюсь только на такси, по ее мнению, — ничего особенного. И она утешала меня примером: «Ахматова тоже не могла улицы переходить. А великий поэт! И какая при этом ясная голова!» [Лиснянская 2006: ?]

В поэме кроется множество неразгаданного (смиримся, не всему надлежит быть приоткрытым; мироздание гуманно). Отнесем к неразгаданному некоторые строки: «...колечки перманента / разламывались в ванне из цемента»; «сквозь платье, залитое / непраздничным вином...»; «в толпу переодевшийся народ» и т. д. Хотя, впрочем, кое чему и тут находятся разъяснения, данные самим автором в интервью и письмах иной раз почти через десятилетия после написания поэмы, через десятилетия в узоре металлических рабиц на сетчатке.

И вот мы уже находим объяснение строки «плод той студентки, верившей в доктрину», но оно настолько личное, настолько интимно-сокровенное, что мы не вправе его лишней раз публичить, хотя оно и несет в себе раскаяние и даже авторские проклятия в сторону поэмы. И вот уже мы понимаем строку про «колечки перманента». Как свидетельствует сама поэтесса:

Я, незамужняя девушка, в подвале серого дома бакинского чека просидела трое суток в цинковой ванне с ледяной водой. Время от времени теряя сознание, утопала, и меня за мой первый и последний перманент вытаскивали, били, чтоб в себя пришла, и снова — в ванну. А время от времени, подгоняя резиновым прутом, голышом вталкивали в соседнюю комнату на допрос. Там мне в глаза пускали такой пронзительный свет, что не видела лица допрашивающего... Не знаю, сознательно или подсознательно, но в один из допросов брякнулась на пол и начала биться, как эпилептик, кажется, у Достоевского прочла, как надо. Помогло. Отпустили, приказав, чтоб никому — ни слова, иначе убьют окончательно [Лиснянская 2006: ?].

Вот тут и всплывает «легенда» о декабрьском морском заплыве, трех днях в винограднике и ране от виноградной лозы. Окружение готово было списать те события на странности самой Лиснянской. Личная аномалия воспринимается проще, чем аномалия в масштабах режима и страны.

Все в том же сером доме бакинской Чрезвычайной Комиссии, занимавшей здание до 1922 года, с юной девушкой «беседуют» сотрудники все той же организации, только слегка сменившей название к 1945 году. «И я молчу, как там три дня молчала». Вот это те самые, страшные, страшнее некуда, события, предшествующие временам принудительного нахождения в лечебнице с зарешеченными окнами: «В железной сетке небо и палата»...

В тексте поэмы привлекает внимание вещность поэтики, приметы быта или бытования, становящиеся приметамы времени, как сейчас принято говорить, маркерами эпохи. Большинство нынешних читателей учились в те школьные годы, когда портреты лидеров уже не висели в спортивных залах. А выросли читатели не в мертвецких, где одному покойнику положено льда меньше, чем другому:

В мертвецкую, где жизни ужасаюсь
Впервые, где и трупы не равны:
Лед выдается сообразно званию!

И с той же госпитальной мертвецкой связан еще один ценный вывод, автобиографический срез, щедро открытый нам автором. Помимо самого факта работы в госпитале военного времени и нашего приведенного выше утверждения, что поэма «Круг» автобиографична, тут показан важный момент созревания личности. Девочка осознает и принимает на себя вину за грех несправедливости, вину в большей даже степени, чем если бы до поры она познала грехопадение:

Где до поры понятие вины
Открылось несозревшему сознанию.
А что такое первородный грех,
Я, кажется, узнала позже всех.

Вот с этим «понятием вины» и живет героиня, а в сущности, сама поэтесса — с виной перед впервые увиденным голым мужским телом, правда мертвым и равнодушным к разнице в количестве льда, положенного и отпущенного. Это покойнику все едино, а живому не все равно. И ощутимая несправедливость мироустройства выводит Лиснянскую на ее собственный круг вины, круг судьбы, на круги ада земного. Задел на будущее. Мера стыда. Закладка на всю жизнь. Отринуть бы, глядишь и судьба свернула бы в сторону. Но нет, отступление неприемлемо и противно органике Поэта, уравнивающего ремесло и предназначение (ставящего их на одну высокую планку), возводящего совесть в высший ранг духовных ценностей.

Ну что мне стоит в здравом жить рассудке?
Мне совесть надоела, как нарыв!

В собственных поступках Лиснянская, родившаяся в 1928 году и не заставшая *необеспеченного мира* (по О. Седаковой), исходит из достоинства, совестливости, принципиальности. Позже Е. Макарова, дочь Инны Лиснянской, упоминает:

В детективах, которые мама читала во время депрессий и бессонниц, она быстро распознавала убийц. В жизни же, с детства омраченной (мать бросила, отец обзавелся новой семьей, ушел на войну, она осталась в чужой семье, голодала, подрабатывала санитаркой в морге), мама ориентировалась плохо. В юности ее пытали, держали в холодной ванной трое суток, безуспешно выбивая признания на одноклассника. Мама знала одно — с *ними* говорить нельзя [Лиснянская 2018: ?].

В поэме как бы от лица антагониста-врача *правдолюбие* названо болезнью смутьянов и явственным симптомом шизофрении. Словарь русского языка любезно предложит вам антонимом к слову *правдолюбие* слова обратного смысла — *ложь, притворство*. То есть, по сути, антагонист предлагает героине в качестве признака здоровья отказ от правды, сокрытие истинного отношения, неискренность, изворотливость. И подобная «приличность» возведена в норму не только в одном процедурном кабинете или одном кабинете бывшей ЧК.

«И как я в этой норме — в этой обезвоженной и обезвоздушенной среде могу еще существовать, да еще чего-то писать — самой непонятно», — много позже изумится Лиснянская [Лиснянская 2006: ?].

Если же встать на позицию героини поэмы, которая не спешила отвечать доктору, но и не спешила признавать общепринятую норму кривить душой (держа притом фигу в кармане) и попробовать прочесть выстроенную конструкцию задом наперед (как палиндром), то получится, что *ложь* и *притворство* есть явственный симптом шизофрении и болезни, а перед ними как первооснова стоит *правдолюбие*.

К слову сказать, к станку с хрупкими, интеллигентными руками, стало быть, нельзя, а вот в мертвецкую, в «цементную ванну» и в *психичку* можно. Отсюда и важный вывод шестой строфы, к которой мы планировали обратиться. После НКВД-шных ледяных ванн («но ванна — это тоже западня») и после лечебницы — «любопытного дома» (хочется сказать — *любопытного*) у героини поэмы, alter ego самого автора, остаются силы души, верящие и принимающие благословенное Солнце с его всепроникающими лучами, разрушающими решетки и одиночество:

По лбу погладил, как сестру родную,
И это милосердное родство
Меня как будто вынесло из склепа.
А я-то думала, что солнце слепо
И дарит свет, не видя ничего.

И, наконец, становится понятнее и ярче идея самого названия «Круг», исходящая не только из закольцованности структуры текста, не только из сюжетостроения, но из цикличности жизни, истории, смены эпох, иногда меняющих свои названия, но не меняющих сути и задач по истреблению

инакомыслия хотя бы в единичном, отдельно взятом частном случае. Частном, но типичном.

Сама поэтесса, приводя разговор с Л. Чуковской, упоминает в письмах 1981 года: «Т<о> е<сть> сейчас нет никого, кто бы, как Некрасов, Блок, Ахматова, отобразили *поколение* нынешнее» [Лиснянская 2018: ?]. И тем не менее, находясь внутри «Круга» Лиснянской, получаешь четкое осознание отраженных ею типичных явлений того, ее, времени. Сумела. Смогла. Отразила:

И поддевает снег моя лопата,
 Как будто расчищаем мы не двор,
 А нашу жизнь...

 Стучат часы за голою стеной,
 Как стрелка, жизнь моя бежит, вращаясь
 По замкнутому кругу предо мной.

Да, казалось бы, *своей эпохи избежать нельзя*, но в то же время, оказывается, можно жить «как бы за границей, на опушке сна» (из воспоминаний Макаровой о матери).

И есть еще одна оправданность введенного «круга» — помимо прочего она состоит в закольцованности памяти (автоцитата: «очень много лет я не окуналась в воду»), где во всяком возрасте, а особенно в зрелом, детство настойчиво барабанит по тумбочке фанерной:

...но возвращаюсь
 Я постоянно памятью больной
 В мертвецкую, где жизни ужаюсь
 Впервые...

Подробное наблюдение за механизмом текста, за ходом поэтической мысли подсказывает, что если бы поэма не была объемным произведением, а существовала самостоятельным коротким стихом из одного только магистрала, то все равно состоялась бы и достигла эффекта — настолько насыщен исторической правдой, настолько сконцентрирован в личных смыслах, применимых к целому поколению, магистрал с анациклическим строением.

Но! Встанем на сторону авторского замысла и поддержим его. Ведь зачастую путь ценнее итога или итог неполноценен

без пути. И в настоящем случае достаточно любопытно следовать за авторской идеей по всему венку сонетов, чтобы совершить круг и прийти промыслительно в точку катарсиса, сколько бы лет со дня описания («А это вы можете описать? — И я сказала: — Могу») не прошло: сорок, пятьдесят, сто.

О призрак мой, о вымысел мой нищий,
Стал чище двор, да жизнь не стала чище.

Литература

Амелин Максим, Лиснянская Инна. «Когда тебе больше ничего не нужно, кроме этого» // Polit.ru. 2008. 29 сентября. URL: <https://polit.ru/article/2008/09/29/lisnyanskaya/> (дата обращения: 20.06.2023).

Лиснянская Инна. Летние письма. 1979–1988 / Публ., вступ. ст., примеч. Е. Макаровой // Звезда. 2018. № 6. С. ?-?

Лиснянская Инна. Хвастунья // Знамя. 2006. № 1. С. ?-?

Полицук Дмитрий. Как дева юная, темна для невнимательного света // Новый мир. 2001. № 6. С. 146–152.